

Визави



Я поступал в театральные вузы, в цирковое училище — все безуспешно, и слава Богу, потому что в 62-м году меня заметил Аркадий Исаакович Райкин.

В спектакле студенческого театра «Я иду по улице» по Жванецкому я играл трамвайного вора. Аркадий Исааковичу понравилось. Уезжая из Одессы, он сказал: «Летом у нас гастроль, а в ноябре жди приглашения». Я уволился с фабрики и стал ждать.

Ровно 35 лет назад, 22 ноября, я приехал в Ленинград и с чемоданчиком пошпарил по Невскому от Московского вокзала на Желябова, в Театр эстрады. Стоял мороз, а я — в модельных туфельках и в драповом пальтишке до колен. Домучился до Желябова, зашел со служебного входа. Было пусто, холодно, тихо, театр репетировал. Никто не мог вспомнить, кто я такой. Райкин в это время гастролировал в Западном Берлине...

А первое мое выступление у Райкина было в миниатюре, где доктор выстраивал в затылок двенадцать человек, слушал последнего и говорил: «У четвертого сухой плеврит, а остальные здоровы». Мне как самому худому и досталась роль четвертого.

В отпуск я прилетел к маме в Одессу. Райкин отдыхал там же, в санатории Чкалова. Он искал актеров на роли молодой феи и молодого фея в спектакле «Волшебники живут рядом». И вот на перекрестке Лонжероновской, угол Пушкинской, я встретил Витю Ильченко. Мы не знакомы — когда я пришел в студенческий театр, который он создавал вместе с Мишей Жванецким, Витя уже там не играл. Но в Одессе все друг друга знают. «Ты, — сказал Витя, — у Райкина? А я начальник отдела новой техники одесского пароходства... Это был очень высокий пост для его 25 лет. А я стал уговаривать его попробовать на молодого фея. Витя соображал, тянул резину, потом решил...»

В Ленинград мы приехали троим: Витя, я и Мила Гвоздиковна из того же студенческого театра — ее Райкин взял на роль молодой феи. Труппа смотрела на нас уже с подозрением... А через год Жванецкий увидел свою фамилию в программе Райкина — я там читал Мишин монолог, — бросил работу инженера в Одесском порту и тоже примчался в Ленинград...

Вот так судьба свела нас с Витей и Мишей. К сожалению, Витя ушел от нас пять лет назад, а с Мишей мы работаем уже 35 лет. 25 ноября в Московском Театре эстрады покажем по этому поводу программу — не итоговую, но все же немножко юбилейную.

А институт мы с Витей все-таки закончили — ГИТИС. Но школа Райкина дала нам гораздо больше.

— Роман Андреевич, а после театра Райкина...

...Был одесский Театр миниатюр, потом Театр в саду Эрмитаж, и последние лет восемь — наш театр, которым руководит Жванецкий... Мы с Витей сделали около 800 вещей Жванецкого и 12 спектаклей. Обездрили Америку, Австралию, Германию, Израиль — с Мишей и с Витей, а потом без Вити...

— География ваших выступлений?

Самая экзотическая страна, пожалуй, Австралия — Сидней, кенгуру жутко безобразные. А у нас я выступал на подводных лодках, на крейсерах, на перерабатывающих базах, где нам вместо денег давали ящики сайры.

— И вас узнают на улицах, и гаишники не штрафуют...

Гаишники жутко хохочут, когда меня увидят в «Оке». У Иосифа Давыдовича Кобзона был юбилей в «Метрополе» — лимузины, «Мерседесы», «БМВ»... И я на «Окушке». Миллионер свистит: проезжай, проезжай, потом подбегает — узнал: «Да-а, ну ты юморист!». Я и не хотел машину. Научился водить из-за внуки. Она живет в Митине, а я на Профсоюзной, без машины ездить неудобно.

— Раз уж начали о семье...

В 67-м году я ушел из театра Райкина, вспылил и ушел. Витя и Миша остались, а я уехал в Одессу, где организовывался симфонический, эстрадный ансамбль под названием «Гамбринус-67», и меня пригласили ведущим. Там восемь девушек показывали моды, танцы изобразили — одесские красавицы по метр восемьдесят ростом. Вот я и познакомился с одной девушкой, и живу с ней уже 30 лет.

— Метр восемьдесят?!

На каблуках, а так метр семьдесят. Ну все равно по сравнению со мной она была гигантом. У меня метр пятьдесят девять, а весил я 47 килограммов. Вот мы с ней живем, у нас дочка, сын и внучка появились пять лет тому назад, чудо природы... Мы с Витей за сольный спектакль получали 19 рублей и должны были по 8 месяцев ездить, чтобы заработать 450—500. Поэтому детей я почти не видел, а вот внуку вижу и получаю большое удовольствие.

— Кем стали дети?

Дочка закончила мединститут, фармацевт. Сын тоже пытался учиться на фармацевтическом, у него ничего не получилось, и сейчас он

Барвиху. Они там за столами сидели — Громыко, Подгорный и так далее. Ни один не улыбнулся... Мы выступали, когда Ельцин стал секретарем Московского горкома партии, играли миниатюру «На складе» — в гробовой тишине. Помните, там приходит человек на склад, где все есть? Ну вот, а в зале сидела компания, которая с таких складов питалась. Все в черных костюмах и галстуках — черным-черно. Разве они могли смеяться?

— А вы не понимали, перед кем играли?

Не подумали. Мы играли то, что публикой принималось очень хорошо. И провалились с треском.

— В двух словах: что такое эстрада сегодня по сравнению с эстрадой 60-х?

Могу и одним словом: обмельчала. Я помню, Райкин — красавец вы-

Век Москва. 1997. 22 нояб. с. 5

Роман Карцев:

Я СЕБЕ НАДОЕЛ, СВОЙ ГОЛОС ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ

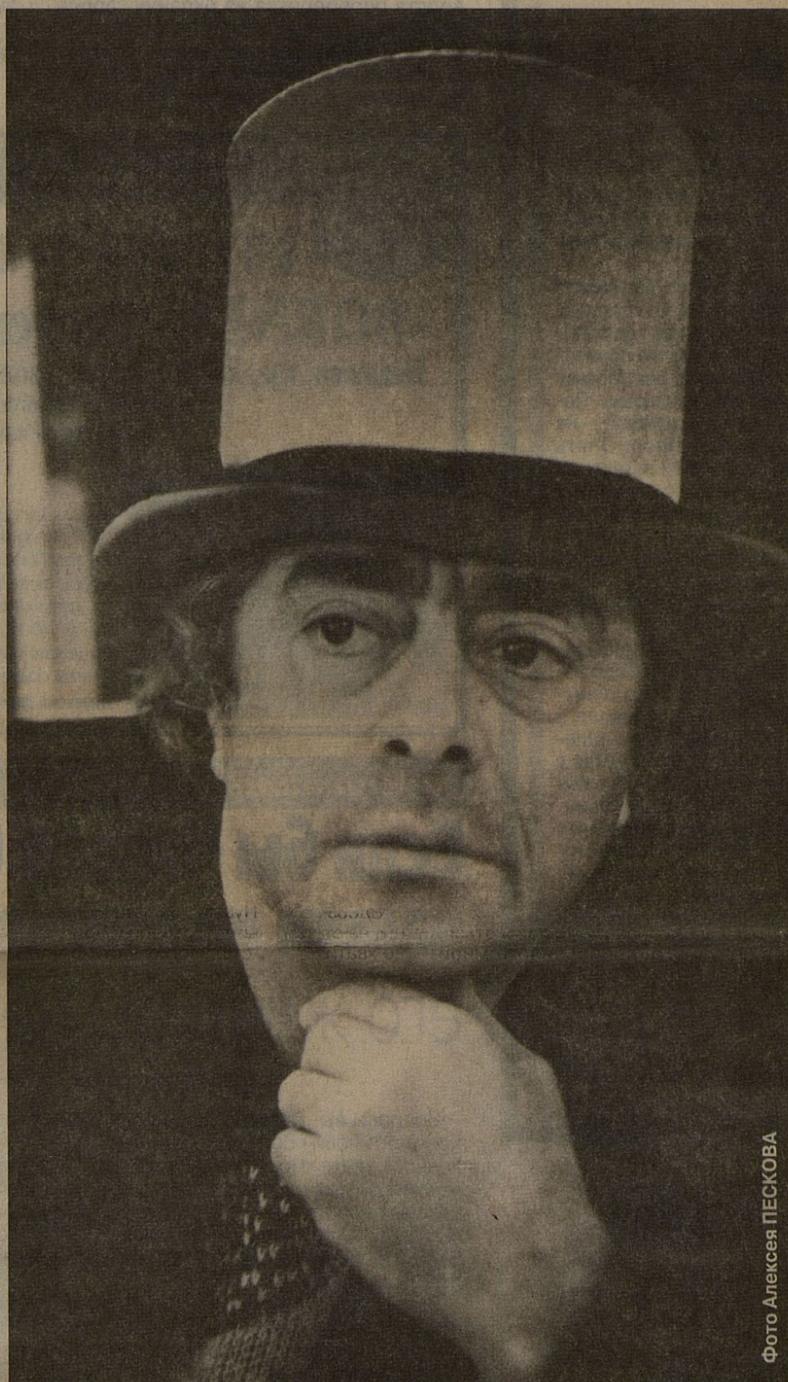


Фото Алексея ПЕСКОВА

учится на режиссера телевидения.

— Как вы относитесь к недавнему демаршу эстрадных звезд в связи с налогами?

Пугачева много сказала правильного, только почему-то одна. Ведь верно: никто не учитывает, сколько я затратил на спектакли. Мне нужно оплатить автору тексты, оплатить костюм, декорации... Осветитель, рабочий сцены, звукорежиссер, и так далее и так далее — вот сколько я трачу, не зная, сколько еще смогу заработать. Сейчас ноябрь, у меня два-три концерта и все, а в декабре может быть десять, а в январе вообще ничего не будет...

— На Новый год, как мне известно, у артиста самый чes начинается...

Я не работаю на Новый год, это все детское, молодежное — балы, карнавалы. У меня мертвый сезон с первого января. И вообще я не люблю выступать в праздниках. Любитель приходит сытый, подвыпивший, размякает и даже засыпает иногда.

— Где еще вы не любите выступать?

Там, где едят.

— А, скажем, у членов политбюро на именинах — случалось?

У нас с Витей был принцип: подальше от начальства. Хотя приглашали, иногда насильно. Как-то на Новый год нас из Одессы вывезли в

сокий, Гаркави здоровенный, Мирон и Новицкий большие. Сцена заполнялась огромными этими людьми. А сейчас мы все маленькие — и Хазанов, и я, и Клара Новикова, и Винокур... В саду Эрмитаж было четыре-пять площадок, ты мог в один вечер посмотреть то Райкина, то Утесова, то мюзик-холл. Это все затихло. Эстрада обмельчала не только в смысле роста, но по своей значимости. Газеты пишут, что хотят, на эстраде пропала острота, многие кинулись пародировать политических деятелей... Мне кажется, что это уже надоело...

— И вы...

...И я сделал программу-бенефис. Первое отделение — «Моя Одесса». Там настоящий одесский добрый юмор — настоящий, я подчеркиваю, потому что Одессу поразному понимают. И второе отделение — «Хорошо забытое старое», вещи из наших старых спектаклей.

— И автор, конечно, Жванецкий?

Да, и эта программа очень неплохая, я с ней только в Америке объездил 28 городов.

— А публичка — эмигранты?

Конечно. Уже и центральная Америка заполнена нашими людьми... Уезжали и родственники, и друзья еще до перестройки. Мы думали, что никогда больше не увидимся. С 88-го года мы с Витей туда ездили. Ночами сидели у них и пла-

кали, рассказывали друг другу, как у них, как у нас тут. А теперь уже не сидим до утра, они говорят: «Нам на работу надо» и отправляются спать. Они уже вошли в ту жизнь. Это у нас принято, что если встречаемся, то до утра, и выпить надо все. А у них уже не так. Но все равно Брайтон говорит на русском языке. Точнее, на полурусском.

— Что вызывает у вас негативную реакцию?

Страх за детей и за внуков. 60 лет скоро, уже повидал кое-что и все думаю: что завтра будет, куда пойдет страна, кто придет к власти? Не заберут ли у нас опять деньги, которые мы с таким трудом заработали? 25 лет работали с Витей почти бесплатно и остались ни с чем...

— А что вам нравится?

Свобода играть, что ты хочешь. И еще мне нравится, что не нужно

стоять в очередях, унижаться перед мясниками, рассказывать им анекдоты, чтобы они тебе отрезали кусок мяса получше.

— А приходилось?

А как же! Вообще-то я люблю ходить по магазинам. Сосиски покупаю у певца Саши Ворошило, моего друга, который стал хозяином магазина. А раньше... Мы за границу возили с собой сухую колбасу и бульонные кубики, чтобы месяц протянуть и собрать какие-то деньги. Сейчас наши юмористы высмеивают памперсы, прокладки — ерунда, это прекрасные вещи. Пусть женщины узнают, сколько есть чего, сколько замечательных приборов для кухни, чтобы они руками не терли и не стирали. Да, дорого — значит, есть стимул, чтобы заработать. Мне нравится, что можно взять билет и полететь на Кипр. Мне нравятся люди по-настоящему деловые. Я думаю, за ними будущее. Конечно, если их не остановят.

— А ностальгии по прошлому нет?

У Райкина я получал 88 рублей, платил за бездетность, подходящий и еще 25 рублей за угол. Оставалось 40—50 рублей на жизнь. Ну какая там ностальгия? Только ностальгия по молодости — девушки, танцы, театр, в то время Товстоногов блистал, билеты на галерку почти бесплатно, мы все впитывали. А жили с клопами, в грязи, все вещи держали в чемоданчике.

— Кем вы работали на производстве?

Наладчиком по швейным машинам. Цех огромный, под жестяной крышей, жара. 80 девушек сидели в трусах и лифчиках, а их обслуживал, в смысле починял машины... Да, есть ностальгия по той Одессе, которую я знал когда-то, и по Ленинграду, и по Москве, которые потеряли свой прежний дух. Старые ленинградцы живут черт-те где, одесситы почти все уехали — совсем другие стали города.

— Теперь о будущем.

Сейчас многие артисты занимаются бизнесом: у кого ресторанич, у кого магазин, — и правильно делают. Я бы тоже — с удовольствием, только не получается. А будь у меня за спиной какой-то бизнес, ушел бы в 60 лет с эстрады, как Кобзон — я его очень за это уважаю. Потому что сколько можно? Честно говоря, я уже себе надоел, я свой голос терпеть не могу. Надо закругляться, но надо и обеспечивать семью, пока есть силы. Сейчас я заканчиваю спектакль к своему 60-летию, которое будет через полтора года. Первое отделение — классика: Чехов, Зоценко, Шолом Алейхим и Жванецкий. А во втором пойду по нашим старым спектаклям, немножко расскажу о Вите, о Мише, о себе. Такая вот программа, а дальше... А что буду делать дальше? Меня приглашают драматические театры, очень солидные — не хочу сейчас называть. Пока отказываюсь, потому что должен сделать свое, а потом уже будем думать.

— Встречался Евгений НЕКРАСОВ